

УДК 323.2

Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности

Р. В. Арзуманян

Арзуманян Рачья Вагаршакович, кандидат технических наук, директор, Центр стратегических исследований «Ашхар», г. Степанакерт, Арцах, Республика Армения, hratchya@yahoo.com

В понимании бархатной революции в Армении важная роль принадлежит логике постсоветского пространства. Как и все прочие постсоветские государства, Армения была обречена стать страной с олигархическим политическим строем, хотя армянский случай оказался самобытным. Важным элементом постсоветского транзита Армении стала проблема Арцаха. Апрельская война 2016 г. показала с очевидностью: в условиях олигархического политического строя Армения оказывается обречена на военное поражение, что в конечном счете привело к бархатной революции 2018 г. Республика Армения вошла в 2019 г., завершив транзит исполнительной и представительной ветвей власти. Вместе с инициированием судебной реформы и транзита власти в Арцахе новая власть должна приступить к системным реформам. Успех реформ во многом будет зависеть от способности новой власти сохранять целостное видение изменений, ад-хок адаптируя не только тактику, но и стратегию реформ.

Ключевые слова: бархатная революция, транзит власти, трансформация институтов, системные реформы.

Velvet Revolution in Armenia: Challenges and Opportunities

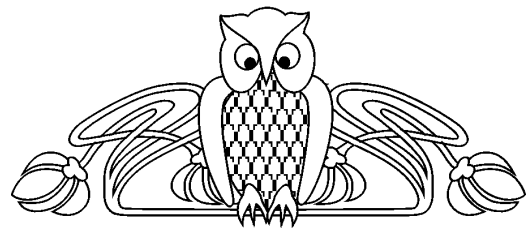
H. V. Arzumanyan

Hratchya V. Arzumanyan, <https://orcid.org/0000-0002-8397-1501>, "Ashkar" Center for Strategic Studies, 23a Tigran Mets St., Stepanakert, Artsakh 375000, Republic of Armenia, hratchya@yahoo.com

In the understanding of the Velvet revolution in Armenia, an important role belongs to the logic of the post-Soviet space. Like other post-Soviet states Armenia was doomed to become a country with an oligarchic authoritarian political order. The important element of the post-Soviet transit of Armenia became the Artsakh problem. The April 2016 war made it obvious that under the conditions of an oligarchic authoritarian political order, Armenia is doomed to military defeat, which ultimately led to the 2018 Velvet revolution. The Republic of Armenia enters 2019 after completing the transit of executive and representative branches of power. Together with the initiation of judicial reform and the transit of power in Artsakh, the new government should begin to develop and implement systemic reforms. The success of reforms will largely depend on the ability of the new government to maintain a holistic vision of the changes taking place, adapts ad hoc not only tactics, but also in the strategy of reforms.

Keywords: Velvet revolution, transit of power, transformation of institutions, systemic reform.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>

Контексты бархатной революции в Армении

В понимании бархатной революции в Армении¹ важная роль принадлежит контексту и логике постсоветского пространства. Политическая и социально-экономическая структура армянской государственности после развала СССР оставалась советской, а властная элита тяготела к авторитарным моделям власти и была нацелена на освоение доставшегося в наследство экономического потенциала Советского Союза. Как и все прочие постсоветские государства, за исключением стран Балтии, Армения была обречена стать страной с олигархическим авторитарным политическим строем. Декларируемые намерения новых государств выстроить современное государство и гражданское демократическое общество непосредственно после распада СССР не имели под собой основания и в конечном счете свелись к имитации некоторых из демократических процедур и институтов, реальное содержание которых не имело ничего общего с гражданским демократическим обществом. Такое развитие постсоветских государств является объективным, так как необходимо время и смена хотя бы одного поколения, прежде чем можно было говорить о действительном транзите от авторитарного политического строя к демократическому.

Происходящее на постсоветском пространстве не есть что-то уникальное, аналогичную картину можно было наблюдать, например, при развале колониальной системы после Второй мировой войны. Многие бывшие колонии, став самостоятельными странами и заявив о своем намерении идти демократическим путем, в конечном счете стали авторитарными и даже тоталитарными государствами.

Тем не менее, несмотря на общие закономерности, армянский случай оказался самобытным и отходящим от логики постсоветского пространства. В первую очередь, это связано со спецификой Армянской ССР, которая ко времени развала Советского Союза могла быть отнесена к развитым странам. Советская Армения обладала развитой и многообразной индустрией. В армянской экономике большое место занимала ИТ-сфера от производства микроэлектроники и ЭВМ до операционных систем и программных комплексов, обслуживающих большие военные системы СССР. До 30% взрослого населения Армении имели высшее образование, а наличие ар-

мянской диаспоры и контакты с внешним миром делали общество более открытым.

Проблема Арцаха. Следующей важным элементом постсоветского транзита Армении стала проблема Арцаха (Нагорного Карабаха), которая практически сразу стала общеармянской. Историю проблемы можно проследить как минимум к XIX в. и появлению Российской империи на Южном Кавказе. В том виде, в каком она известна после развала СССР, проблема возникла в 20-е гг. XX в. вместе с формированием СССР. Преодолевая международную изоляцию, руководство СССР в рамках налаживания двусторонних отношений с кемалистской Турцией передало Арцах и Нахиджеван в состав Азербайджанской ССР. Попытки арцахского армянства в 1988–1990 гг. разрешить проблему мирными методами в рамках правовых норм СССР вызвали жесткую реакцию центрального советского руководства и властей Азербайджанской ССР. В ряде городов Азербайджана, включая столицу Баку, имели место погромы и резня армянского населения. В конечном счете, к 1991 г. армянство Азербайджана оказалось вытеснено из страны. На территории Нагорного Карабаха внутренние войска МВД СССР и ОМОН Азербайджанской ССР проводили депортацию армянского населения.

Откликом на политику Кремля и Азербайджана стало провозглашение Республики Арцах, которая с первых дней своего создания была вынуждена организовывать самооборону. К 1992 г. военные действия Азербайджана против Арцаха приобрели характер экзистенциальной войны, в которой армянский народ решал задачу физического выживания арцахского армянства и части беженцев из Азербайджана, осевших в Арцахе. Решение данной задачи потребовало от вновь созданных государственных структур Арцаха скорейшего создания Армии обороны, способной вести широкомасштабные военные действия, а не только иррегулярные, которые были характерны для 1988–1991 гг. Задача была успешно решена, и Арцах оказался в состоянии одержать победу в военных кампаниях 1992–1994 гг.

Существующая в настоящее время граница между Арцахом и Азербайджаном является результатом военных действий и зафиксирована в соглашении о перемирии, заключенном при посредничестве России в Бишкеке в 1994 г. Небольшие изменения в прохождении границы произошли в апреле 2016 г., когда Азербайджан в очередной раз прибег к попытке решить проблему Арцаха в рамках широкомасштабных военных действий. Таким образом, на территории бывшей Азербайджанской ССР были созданы два государственных образования – признанная международным сообществом Азербайджанская Республика и непризнанная Республика Арцах. Гарантами безопасности Арцаха выступают Республика Армения и армянский народ в целом, включая армянскую диаспору.

Экзистенциальный характер противостояния Азербайджану исключал для армянской государственности возможность следования логике постсоветского пространства. Армянский народ был вынужден строить современное государство, способное вести войну с противником, обладающим большим экономическим потенциалом и возможностями. Только гражданское демократическое общество в состоянии обеспечить долгосрочную мобилизацию народа. Данный императив не давал армянской государственности следовать путем создания олигархического авторитарного политического строя. Заключение перемирия 1994 г. привело к отходу от данного императива, когда в Армении стал складываться олигархический авторитарный строй, хотя общество неоднократно пыталось вернуться на путь строительства современной демократической Армении. Можно упомянуть президентские выборы в Республике Армения 1996, 2003, 2008, 2013 гг., расстрел парламента 27 октября 1999 г. Тем не менее, нахождение в постсоветском пространстве, влияние России, а также необходимость поддерживать сложившийся военный баланс в рамках региональной системы безопасности Южного Кавказа позволяли армянской власти подавлять протесты.

Складывающийся олигархический авторитарный строй входил в глубокое противоречие с приверженностью армянского народа демократическим ценностям и необходимостью обеспечить национальную безопасность Армении в долгосрочной перспективе. Как следствие, значительная часть населения Армении покидала страну, осознавая фундаментальную несправедливость складывающегося политического строя и его неспособность решить задачи обеспечения национальной безопасности. Данные тенденции достигли своего пика к 2016 г., когда благодаря поставкам Россией и Израилем наступательных вооружений и военной техники Азербайджану оказался нарушен военный баланс, что спровоцировало Азербайджан на разворачивание – в очередной раз – широкомасштабных военных действий.

Апрельская война 2016 г. сделала очевидной для армянского народа тот факт, что в условиях олигархического авторитарного политического строя Армения оказывается обречена на деградацию государственности и военное поражение. Возвращение в течение двух лет в общество солдат срочной службы, непосредственно принимавших участие в военных действиях и донесших до общества всю глубину предотвращенной катастрофы, сделали неизбежным национальное восстание и бархатную революцию.

Динамика бархатной революции

Триггером начала национального восстания и бархатной революции стало нарушение социального договора, заключенного Сержем Саргсян

ном с армянским обществом в 2015 г. во время принятия новой Конституции и перехода к парламентской форме правления. Понимая все угрозы перехода к парламентской системе в условиях войны и незрелости политических партий, общество согласилось принять новую Конституцию при условии, что Серж Саргсян не будет претендовать на занятие в третий раз должности первого лица государства. Пойдя на третий срок, Серж Саргсян резко взвинтил ситуацию в Армении. Более того, оторванность от общества привела к тому, что уже во время процесса назначения на пост премьер-министра Серж Саргсян позволил себе ряд высказываний, пересекающих красную черту. Общество увидело в словах Сержа Саргсяна угрозу повторения сценария 1 марта 2008 г., когда на улицах Еревана пролилась кровь.

Разворачиваясь к этому времени акция политической оппозиции «Сделай шаг» во главе с Николом Пашиняном во многом независимо от самого лидера стала менять свой статус вследствие радикализации общества. Начав акцию в одном из армянских городов в качестве оппозиционного лидера, возглавляющего политический протест, Никол Пашинян вошел в готовый восстать Ереван уже в другом качестве и, к его чести, оказался готов принять новую роль и возглавить восстание, имеющее целью свергнуть Сержа Саргсяна и правящую Республиканскую партию Армении.

К середине апреля акции протеста приобрели общенародный размах, а Никол Пашинян получил мандат общенационального лидера, призванного осуществить политический транзит и демонтаж олигархического авторитарного политического строя в Армении. Табу на пролитие крови наложило отпечаток на восстание, которое приобрело ненасильственный бескровный характер при соблюдении принципа верховенства закона. Сформировался самобытный стиль и почерк армянской бархатной революции, первый этап которой завершился отставкой Сержа Саргсяна и назначением премьер-министром Никола Пашиняна.

Следующим этапом политического транзита стало проведение досрочных парламентских выборов. Предпринятые попытки реванша со стороны политических сил старого режима привели к резкому и недвусмысленному отпору со стороны общества и пониманию необходимости пойти как можно быстрее на досрочные парламентские выборы, которые состоялись в декабре 2018 г. И если на первых этапах бархатной революции апелляция Никола Пашиняна к верховенству закона и ненасильственным методам борьбы воспринимались как замедляющий революционный процесс подход, события осени 2018 г. показывали, что это был оправдавший себя шаг. Выбранная стратегия крайне затрудняет противодействие со стороны проигрывающей олигархической системы, которая не привыкла

оперировать ненасильственными методами и в рамках публичных форм ведения политической борьбы.

Более того, попытка контрреволюционного реванша в начале октября 2018 г. показала, что апеллирование к верховенству закона приучает общество к ненасильственным методам борьбы, способствует укреплению соответствующей политической культуры, что само по себе является важным достижением бархатной революции. Поддержка армянского народа является главным и на сегодняшний день практически единственным фактором, позволяющим Николу Пашиняну сохранять власть. Прямой мандат народа, как пробудившегося суверена, делает крайне сложной задачу нейтрализации Никола Пашиняна прежним режимом. Намерение же лидера отдать обществу функции контроля политического транзита на основе принципа верховенства закона и ненасильственных методов поднимает уровень политического самосознания общества, создавая предпосылки для проведения досрочных выборов и перехода к следующему этапу бархатной революции.

Возможные пути разворачивания следующего этапа бархатной революции

Осмысление возможных путей разворачивания бархатной революции требует формирования фрейма, в рамках которого будет проводиться анализ. При этом важно понимать, что решающим элементом изменений в обществе являются институты, без рассмотрения путей эволюции или трансформации которых невозможно сформулировать принципы проведения реформ.

Институты государственной и политической системы общества. В рамках данной работы будет использоваться определение Самюэля Хантингтона институтов (институций) как «стабильных, ценных, повторяющихся паттернов поведения»². Хантингтон перечисляет четыре пары критериев, позволяющих оценить степень развития институтов, формирующих государство: жесткость – адаптируемость, сложность – простота, автономия – субординация, когерентность – разъединенность³.

Чем более адаптативным, сложным, автономным и когерентным является тот или иной государственный институт, тем более эффективным он будет. Адаптативный институт в состоянии оценить изменения во внутренней и внешней среде и изменить собственные структуры, функции и процедуры для выживания и выработки отклика на вызовы и угрозы⁴.

Критерии «автономия» и «когерентность институтов» тесно связаны. Автономия характеризует степень развития корпоративной идентичности, позволяющей провести границу и отличить конкретный институт от других ин-

ституты и социальных структур. Когерентность является системной мерой степени согласованности функций элементов и организаций института или политической системы в целом. В политической системе с низкой когерентностью имеет место перекрывание функций различных институтов, что затрудняет или даже исключает возможность выявления доминирующего института, ответственного за обеспечение данной функции.

В патримониальных или испытывающих упадок обществах члены семьи или клана лидера получают перекрывающиеся полномочия в системе государственного правления и власти. Более того, для определенных лиц могут быть созданы специальные позиции во власти. Ло-яльность в таких обществах оказывается более важным критерием, нежели профессионализм, талант государственного или политического деятеля. Формальная структура государственного аппарата в этом случае перестает соответствовать реальному распределению власти, приводя к потере институциональной когерентности или даже разрывам в системе власти и государственного управления⁵.

Политический транзит и развитие общества являются исторически детерминированным процессом, когда каждая из стран идет по собственному пути, который формируется в том числе историческим контекстом. Рассуждая в рамках данной логики, можно прийти к спорному заключению, что разворачивание политических институтов в другом обществе требует создания схожего исторического контекста, в котором они зародились. Однако такой взгляд не совсем корректен, и политическая история показывает, что институты, обеспечивающие преимущества своим обществам, копируются и улучшаются другими через обучение, мимикрию и адаптацию собственных институтов. Последнее является неизбежным, так как институты консервативны и обладают большой инерцией. Общества крайне редко идут по пути полного разрушения существующих институтов, и новые институты наслаиваются на существующие, позволяя старым действовать в течение длительных периодов времени⁶.

Понимание важности исторического контекста появления институтов помогает осознать сложность их имплементации в других обществах. Зачастую политические институты зарождаются в результате не политических, а других вызовов и угроз. Например, верховенство закона исторически имеет религиозное происхождение, и попытки укоренить его, опираясь исключительно на политические факторы, представляется крайне сложной задачей⁷. Институты являются продуктом длинной цепи событий, однако исторический контекст имеет меньшее значение, чем функциональность института, что позволяет другим обществам его развернуть, причем

порой совершенно непредвиденными способами. Например, крайне сложно и просто невозможно было бы представить ситуацию, которая сложилась в Республике Армения в начале октября 2018 г., когда общенациональный лидер призывал своих сторонников на улицах Еревана следовать принципу верховенства закона и ненасильственным формам борьбы против членов парламента, попытавшихся осуществить контрреволюционный переворот.

Насилие и дисфункциональное равновесие. Обладая естественной консервативностью, институты зачастую медлят с адаптацией к изменениям во внутренней и внешней среде. Кроме того, любой институт или система институтов обеспечивают преференции и прибыль определенным группам в обществе. Да, выстроенная политическая система общества может обеспечивать общественные блага для всех своих членов, однако это не означает отсутствия элитных групп, обладающих привилегированным доступом к национальным богатствам, возможностям и благам. Используя привилегированный доступ, такие группы стремятся извлечь ренту из занимаемого положения, обеспечить большую скорость наращивания капитала, сохранить общественное положение и проч. Более того, элитные группы, обладая своей долей в контроле институциональных механизмов, стремятся защитить сложившийся статус-кво. Хотя общество в целом извлекло бы выгоду из институциональных изменений и реформ, элитные группы могут сопротивляться, если изменения несут им уменьшение прибыли и выгод, стремясь сохранить ставшее застойным и дисфункциональным равновесие⁸.

Способность общества инициировать институциональные изменения зависит от способности нейтрализовать элитные круги, заинтересованные в сложившемся статус-кво и способные наложить вето на реформы. И это уже сущность политической жизни и искусство политического лидера инициировать реформы, используя комбинацию власти, законности, запугивания, переговоров, харизмы, идей и организации. Исторический опыт показывает, что социальная мобилизация оказывается важным источником и инструментом разрушения дисфункционального равновесия традиционных элит, замурованных в рамках коалиций, получающих ренту с государственных и общественных институтов. Происходящее в Армении может рассматриваться в качестве классического примера способности общества к таким действиям.

Стабильность застойного равновесия объясняет одну из причин, почему насилие играет столь важную роль в институциональных реформах. Порой оно оказывается единственным способом убедить элитные группы, блокирующие институциональные изменения и реформы⁹, и речь идет о том, какую форму оно приобретает. В этом смысле можно говорить о правовом, по-

литическом, экономическом, военном и прочих видах насилия. Отдельно стоит отметить страх насильственной смерти, который сильнее стремления к материальной выгоде и способен обеспечить необходимую мотивацию для проведения реформ¹⁰. Тем не менее, насильственные методы реформирования институтов становятся все менее приемлемой формой выхода из политических тупиков. Путь к созданию современного и эффективного государства в XXI в. может быть менее насильственным, когда основная тяжесть по осуществлению институциональных инноваций и реформ ложится на ненасильственные механизмы. Ярким примером такого подхода к реформам является бархатная революция в Армении, которая может рассматриваться как эталон данного подхода к реформам на постсоветском пространстве.

Логика транзита общества. Центральным постулатом книги Самюэля Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах» является утверждение, что политическое развитие обладает собственной логикой, которая связана, но отличается от логики экономического и социального развития. Общество может не справиться с политическим транзитом и пережить упадок и даже катастрофу, когда экономическая и социальная модернизация оказываются не согласованы с политическим развитием. Необходимо различать политические, экономические и социальные размерности реформ общества, понимать, как они соотносятся и взаимодействуют друг с другом в условиях конкретного общества.

Такой взгляд на политическое развитие как процесс со своей собственной логикой вступает в противоречие с классической теорией модернизации, разрабатываемой мыслителями XIX в., такими как Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер и другие, стремившимися осмыслить связанные с индустриализацией и становлением промышленного и финансового капитализма изменения в европейском обществе. Классическая теория модернизации стремится объяснить ее логику, опираясь на исторический период начиная с протестантской Реформации. Хантингтон, вступая в полемику, утверждает, что основные институты и процедуры современности не обязательно усиливают друг друга. Демократия, например, не всегда способствовала политической стабильности. Политический порядок, который фактически отождествляется Хантингтоном с категорией государства, должен иметь приоритет над демократизацией, и стратегия развития, ставшая известной как «авторитарный переход», подтверждает данный вывод¹¹. Можно привести пример Южной Кореи или Тайваня, которые осуществили модернизацию экономики при авторитарных правителях и только позже открыли свои политические системы для демократического транзита.

Европейский путь модернизации не является одновременным движением по всем размер-

ностям транзита и развития после Реформации, а, скорее, представляет собой серию сдвигов на гораздо большем масштабе времени, охватывающем как минимум пятнадцать веков. На этом пути индивидуализм на социальном уровне развития мог предшествовать капитализму, внедрение принципа верховенства закона – формированию современного государства, а феодализм и сопротивление центральной власти становился базисом современной демократии¹².

В XXI в. перспективы политического развития более разнообразны вследствие возможностей интенсивного экономического роста, предоставляющего больше ресурсов государствам для реформ на основе мобилизации новых социальных сил, которые со временем стремятся стать политическими акторами. Например, в разворачивающейся бархатной революции в Армении большую роль играет работающая в сфере высоких технологий молодежь, которая находится на этапе самоорганизации и осознания себя в качестве новой социальной группы.

В настоящее время страны имеют возможность выбрать разработанные и апробированные в мире модели транзита и развития¹³. Другой стороной медали оказываются отрицательные явления и процессы, которые в эпоху глобализации легко пересекают границы государств. В XXI в. стало гораздо сложнее обеспечивать функции, связанные с традиционным представлением о политическом порядке и государстве. Другими словами, в настоящее время нет возможности говорить только о «национальном транзите и развитии», но надо принимать во внимание акторов и силы, находящиеся вне государства, когда необходимо давать целостную оценку как обществу, так и его международному контексту¹⁴ – вывод, который более чем актуален для Армении и Южного Кавказа.

Таким образом, необходимо прагматически рассматривать и принимать во внимание исторические аспекты происхождения политических и государственных институтов. С другой стороны, институты не могут быть просто переданными другим обществам независимо от сложившихся в нем норм и правил, политических сил, поддерживающих их разворачивание. Строительство и укоренение института не инженерная задача и требует тяжелой работы по убеждению людей в необходимости институциональных изменений. Она требует создания поддерживающей изменения коалиции, которая сможет преодолеть сопротивление заинтересованных в сохранении старой системы элит. Также необходимо убедить людей принять новые паттерны поведения в качестве установленного порядка. Зачастую новые институты должны дополняться культурными сдвигами. Например, избирательная демократия не будет эффективно функционировать в условиях отсутствия независимой прессы и самоорганизующегося гражданского общества, позволя-

ющего сохранять контроль над правительством. Выживание и развитие институтов оказывается связанным со способностью удовлетворить потребности общества, и в этом смысле они являются универсальными. Именно данный факт позволяет делать общие выводы касательно политического транзита и развития политических и государственных институтов, помня о необходимости их соответствия требованиям внутренней и внешней среды.

Возможное будущее бархатной революции

Республика Армения вошла в 2019 г., завершив транзит исполнительной и представительной ветвей власти. Можно предложить следующую логику и этапы последующих армянских реформ.

Транзит власти в судебной ветви власти. В 2019 г. Республика Армения получит возможность осуществить изменения в судебной ветви власти, что позволит говорить об окончании транзита и возможности перехода к системным реформам. Изменения в судебной власти являются крайне важными. Может сложиться ошибочное впечатление, что судебная власть играет обеспечивающую, а не формирующую роль в протекающих процессах. Однако история становления политических систем и революционных изменений в Европе показывает, насколько важной и даже определяющей оказывается роль судебной системы. Достаточно обратиться к опыту Франции и Великой французской революции¹⁵.

История построения французской государственности, начиная с династии Бурбонов и вплоть до революции 1789 г., развивалась в рамках двух трендов. Первый был связан с постоянно увеличивающейся централизацией французского государства и сокращением политических прав подданных. Второй касался способа, при помощи которого происходила централизация. Централизованное французское государство выстраивалось не на основе наемной бюрократии и функциональной специализации, но приватизации государственных должностей, когда государственные учреждения превращались в наследственную частную собственность. Французское государство институционализировало извлечение ренты из государственных учреждений. Само слово «рента» происходит из практики французского государства распродажи государственных активов, например, права собрать определенный тип налога. Неэффективность и возможности для коррупции в такой системе были огромными.

Растущая мощь французского государства к началу XVIII в. позволяла ему наступать на права подданных, в первую очередь права собственности, но не через открытое принуждение, а манипуляцию правовой системой. Чтобы уменьшить бремя государственных долгов, госу-

дарство обратилось к государственному рынку. Были созданы специальные суды, палаты правосудия (*chambres de justice*), которые угрожали кредиторам расследованиями личных финансов. Учитывая коррумпированность последних, они соглашались уменьшить сумму государственного долга взамен на отзыв расследования. В XXI в. в ряде государств также можно наблюдать методы селективного использования антикоррупционных расследований для поднятия государственных доходов и запугивания политических противников.

Также происходили важные сдвиги в равновесии сил между различными социальными и политическими акторами. Растущая капиталистическая экономика увеличивала богатство и численность буржуазии. Но основные вызовы оказались связаны не столько с экономикой, сколько с победой идей Просвещения, быстро распространяющихся по Европе. Защита прав подданных в эпоху Просвещения апеллировала не к феодальному праву и его попыткам ограничить власть короля, но к способности представлять общество состоящим из людей с равными правами. Однако попытки политиков под влиянием данных идей изменить старую систему через реформы проваливались. Политическая система монархии оказалась неспособна к трансформации, так как государственная власть была выстроена на широкой коалиции элит, привлекающих ренту из общественных и государственных активов, апеллирующих к традиции и феодальному праву.

Тем не менее, монархия не могла прямо атаковать права феодальных институтов, не подвергая угрозе делегитимации всю систему права, на которую опиралась ее собственная власть. Верховенство закона как важный компонент современной политической системы развился во Франции задолго до появления подконтрольных обществу политических институтов современного государства. Как следствие, принцип верховенства закона защищал не современную политическую систему и рыночную экономику, а традиционные социальные привилегии и неэффективную финансово-экономическую систему монархии. Даже те, кто на вершине иерархии власти осознавали интеллектуальное банкротство старой системы и необходимость фундаментальных изменений, не обладали необходимой властью и мощью, чтобы разрушить дисфункциональное равновесие, установленное коалицией рентьеров государственных должностей. Следствием становился рост напряженности в социальных группах, не входящих в элиту, что в конечном счете привело к революции и разрушению системы.

Таким образом, монархическая Франция перед Великой французской революцией является ранним прототипом того, что сегодня можно называть обществом, ориентированным на извлечение административной ренты. В таком об-

шестве элиты находятся в постоянной борьбе за захват и контроль государственных должностей и учреждений с целью создания условий для извлечения ренты. В случае с Францией данные притязания оформлялись в том числе апеллированием к праву и верховенству закона.

Являлась ли система, ориентированная на извлечение ренты, стабильной? В случае Франции она просуществовала почти два века и создала политический фундамент для превращения в доминирующую континентальную державу. Однако великолепие французской судебной власти маскировало слабости системы в целом, одной из наиболее важных из них было сильное чувство несправедливости в социальных слоях, выпавших из властной коалиции, что в конечном счете прорвалось во время революции. Интересно, что сами участники коалиции не имели желания защитить систему. Монархия была бы рада отойти от ренты государственных должностей и постов, и она попыталась это сделать несколько раз к концу своего существования. Однако сами государственные служащие были заинтересованы исключительно в личной прибыли, но не выживании или реформировании системы, и не могли принять идею реформ.

Французский случай показывает значение верховенства права и закона в политическом развитии, особенно во время революционных изменений. Власть закона, появившаяся в Средневековье, позволяла ограничивать тиранию монарха. Однако она также ограничивала возможности построения современного государства, поскольку защищала старые социальные классы и обычаи, которые должны были быть отменены для построения современного общества. Феодалное право и верховенство закона развились, так как государства понимали, что должны уважать права собственности традиционных элит. Они не могли прямо конфисковать активы элиты и должны были обратиться к правовым инструментам для оформления своих претензий.

Таким образом, опыт Франции показывает, что реализация принципа верховенства закона является необходимым, но недостаточным условием успешности революционных реформ и создания развитого современного государства и общества. Более того, верховенство закона может стать инструментом, при помощи которого консервируются социально-экономические и общественные отношения в обществе, не давая ему возможности сделать рывок к достойному будущему. Причем выбор между консервацией и рывком к новому оказывается личностным, замкнутым на конкретную личность, а не абстрактным. Таковым он будет и в случае Армении, которая в настоящее время делает выбор между сложившимся в постсоветский период олигархическим авторитарным политическим строем, ориентированным на паразитическую эксплуатацию геополитических, военно-политических и прочих

возможностей Армении узким кругом лиц и группировок, и возможностью рывка и прорыва к достойному армянскому будущему, процветающей, стремительно развивающейся Армении.

Транзит власти в Арцахе. Завершение транзита власти в Республике Армения позволит инициировать аналогичный процесс уже во втором армянском государстве. Бархатная революция в Ереване инициировала аналогичные процессы и в Арцахе. Однако армянский народ достаточно быстро пришел к пониманию, что одновременные революционные изменения в обоих армянских государствах являются крайне рискованными, учитывая состояние войны. Могла сложиться ситуация, когда активизация внешнего конфликта в условиях внутривластной нестабильности привела бы к потере управляемости, хаосу и в конечном счете поражению. В армянском народе был достигнут консенсус, что процесс транзита власти в Республике Армения и Арцахе должен быть разнесен во времени. Более того, после окончания транзита власти в Республике Армения появляется возможность осуществить аналогичный процесс в Арцахе не революционными методами, но в более мягкой форме трансформации, когда смена власти происходит в контролируемой форме без необходимости использования методов уличной борьбы.

Также можно говорить о консенсусе, что трансформация власти в Арцахе должна происходить не на основе соглашения внутри властной элиты, но публичного политического процесса, как это имело место в Республике Армения. Кроме того, на ключевые должности президента и спикера парламента Арцаха не могут претендовать коррумпированные личности. Это должны быть лица, не запятнавшие себя в коррупционных и прочих преступных схемах и принимаемые значительным большинством арцахского общества. В оставшееся до очередных президентских и парламентских выборов время арцахское общество должно решить данную проблему и выдвинуть из своей среды политиков и общественных деятелей, способных проводить системные реформы.

Инициирование процесса системных реформ. Вместе с инициированием судебной реформы и транзита власти в Арцахе новая власть должна приступить к разработке и имплементации системных реформ. Задача усложняется тем, что бархатная революция во многом оказалась неожиданной для ее организаторов, вынуждая действовать параллельным методом, когда процесс реформирования будет осуществляться одновременно с разработкой проекта реформ. Учитывая самобытность бархатной революции, будет крайне сложно найти аналоги в мировой политической истории, на которые можно будет опереться. Также будет сложно найти прецеденты системных реформ в условиях активной военной угрозы в динамичной среде безопасности.

Одним из немногих ориентиров для таких реформ может служить подход С. Хантингтона, когда необходимо различать политические, экономические и социальные размерности и говорить о нескольких взаимосвязанных реформах с выделением тех, что станут локомотивом качественных изменений в обществе. Первыми в Армении были инициированы политические изменения, однако не факт, что после окончания транзита власти на первом месте по-прежнему будут оставаться именно политические реформы. И важно понимать, что в данном случае речь идет не только и не столько о теории, сколько о практике, которая будет определяться складывающимися внутриармянским и региональным контекстами.

Успех системных реформ в Армении во многом будет зависеть от способности новой власти сохранять целостное видение происходящих изменений, вынуждая ад-хок изменять не только тактику, но и стратегию реформ. Это требует от новой власти определиться с институтом, который возьмет на себя задачу создания и поддержания целостной картины армянского общества, государственности в процессе реформ. Наиболее логичным является передача данных функций Советам безопасности армянских государств, решив задачу синхронизации деятельности данных структур в Республике Армения и Арцахе. Аппараты Совета безопасности Армении могли бы стать центром разработки и сопровождения армянских реформ, позволив отделить их от будничной государственной и политической деятельности и имея в фокусе аспекты обеспечения национальной безопасности армянского народа.

Тем не менее, в настоящее время можно уверенно говорить только о завершении этапа транзита власти и необходимости подготовки к сложному этапу судебных и системных реформ в условиях динамично меняющихся контекстов,

как внутри Армении, так и регионе. Активность, которая должна быть отнесена не только и не столько к науке, но искусству политики, национальной безопасности и стратегии.

Примечания

- ¹ В дальнейшем в тексте под термином «Армения» будут пониматься оба армянских государства – Республика Армения и Республика Арцах (Нагорно-Карабахская Республика).
- ² Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven ; L. : Yale University Press, 2006. P.12.
- ³ Ibid. P. 12–24.
- ⁴ Проблемы адаптабельности военных институтов см.: Арзуманян Р. В. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть : парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М. : ИД «Регнум», 2012. (Selecta XIX).
- ⁵ См.: Fukuyama F. *The Origins of Political Order : From Prehuman Times to the French Revolution*. 1st ed. N. Y., NY : Farrar, Straus and Giroux, 2011. P. 474–475.
- ⁶ Ibid. P. 437–438.
- ⁷ Ibid. P. 439.
- ⁸ Ibid. P. 483–484.
- ⁹ См.: Bates R. H. *Prosperity and Violence : The Political Economy of Development*. 2nd ed. N. Y., NY : W. W. Norton & Company, 2009 ; North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. *Violence and Social Orders : A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N. Y., NY : Cambridge University Press, 2009.
- ¹⁰ См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 489.
- ¹¹ См.: Zakaria F. *The Future of Freedom : Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N. Y., NY : Norton, 2003.
- ¹² См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 463.
- ¹³ См.: Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1962.
- ¹⁴ См.: Fukuyama F. *Op. cit.* P. 507.
- ¹⁵ Ibid. P. 336–354.

Образец для цитирования:

Арзуманян Р. В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 223–230. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>

Cite this article as:

Arzumanian H. V. Velvet Revolution in Armenia: Challenges and Opportunities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 223–230 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230>
